

Нет, Яхья не боялся идти на битву. И горькая ирония его упрека, обращенного к Мокрану, однажды постучавшему в дверь, чтобы позвать Яхью туда, где он был нужнее всего,— это не страх, не опасения, не разлад его души, а защита права на любовь, даже если мир охвачен пожаром.

Он спросил тогда Мокрана, слышал ли тот когда-нибудь пение соловья и знает ли его «Организация», о чем поет соловей... «Что-то вроде тью-тью»,— ответил ему Мокран. Нет, песня его совсем не о том, возражал Яхья. «Я не помню уже точно слов песни, но уверен,— говорил он,— что соловью однажды не повезло... Он запутался в зарослях дикого виноградника, что зеленел по весне там, где соприкасались два мира... и это так далеко от тью-тью... и так близко к тому, что мы есть теперь: наполовину страх, наполовину — сила».

Яхья — в чем-то антипод Али Саида, для которого и борьба, и смерть были радостью. Недаром автор, вопреки мусульманским традициям, вводит в роман аллегорический танец матери на могиле сына. В этом танце ее и песнопении — не безумный экстаз потерявшей рассудок женщины, но своеобразный гимн борцу, чья жизнь и смерть были посвящены торжеству счастья. Не могильные плиты — как хочет этого автор,— но радостное ликование свободного народа должно быть лучшим памятником павшим в революционной борьбе. Для Яхьи борьба — не только радость, но и боль. Ибо в его душе любовь и ненависть сливались воедино. И преодолеть эту боль, возможно, помогли Яхье услышанные в Акбу, когда «пара» вошли в деревню, слова муджахида Си Мохтара: «Они больше не уйдут. Они уничтожат эту деревню — всю до последнего мужчины... и молодых истребят тоже... Надо найти способ ответить на это убийство, и я не знаю другого, как маки... Главное — чтобы мы существовали...»

Вот почему Яхья займет место в этой борьбе, место своего отца, которого постигла участь Саддека. Он уедет в Алжир. «Главное — чтобы мы существовали...»

«Клодин, любовь моя,— напишет он.— Я не знаю, что случится со мной, но ты должна знать, что я не умру...» И подпись: «Яхья, неудачник».

Но, может быть, французское *pas de chance* не такое уж «застывшее» выражение? Ведь французское «pas» может значить не только отрицание «нет», но и «шаг». В названии книги видится и «шаг надежды», и «шаг удачи»... Да и сам автор оставляет нам возможность такого его толкования. Во всяком случае, Яхья нам не казался неудачником. Его судьба, описанная поэтично и просто очевидцем и современником, бывшим партизаном и бойцом Армии национального освобождения Набилем Фарэсом, дала нам еще одно яркое свидетельство, еще одно серьезное раздумье о людях и их таких разных и таких непохожих, но таких неизбежных путях в революцию.

С. ПРОЖОГИНА

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Iris Murdock. A Fairly Honourable Defeat. London, Chatto & Windus, 1970.

Т

ринадцатый по счету роман Айрис Мердок «Вполне пристойное поражение» — еще одна философская притча о человеке, о зле и добре в этом мире. С подобными проблемами мы встречались и в предыдущих романах. Однако во «Вполне пристойном поражении» они не только ставятся, но и решаются. И в этом смысле последний роман писательницы можно рассматривать как некоторое подведение итогов, завершение поисков, начатых в «Милых и хороших» и «Сне Бруно». Уже в этих романах был поставлен вопрос, кто же воистину добр и что такое доброта, то есть вопрос, который так или иначе волнует всех героев «Вполне пристойного поражения».

Руперт Фостер, крупный чиновник, счастливый семьянин, пишет исследование о добре и любви. Руперт мечтает о том, что эта воплощающая его собственный опыт книга будет не отвлеченным философским трактатом, а эдаким практическим руководством и пособием по «доброту». Вопрос для Руперта достаточно ясен и прост: он знает, что добро — это любовь к людям, правило, от которого, как ему и окружающим кажется, он не отступал в своей жизни.

Сестра его жены, Морган, тоже полна всевозможных идей о добре и природе любви. Филолог-лингвист, занимающаяся сложными философскими аспектами языка, она не может разобраться даже в азбучных истинах человеческих отношений. Чувства Морган заменяет теориями, которые при первом же соприкосновении с действительностью лопаются, как мыльные пузыри. Такова ее теория «свободной невинной любви», которая якобы откроет новую эру в жизни Морган. Так свободно и невинно, а точнее — эгоистично и бездумно она собирается любить своего племянника Питера и мужа родной сестры — Руперта.

Морган не умеет видеть дальше своего «я», не умеет ставить себя на место другого, и поэтому она полагает, что «Питеру нужно немного любви». Ей и в голову не приходит, какую травму она может нанести юноше, для которого любовь не теория, а чувство, дающее ему силы жить в мире, теряющем у него на глазах смысл.

Эта проблематика в романе А. Мердок перерастает в вопрос о действенном добре и действенной любви, о сущностях, а не субстратах. Мир, в котором живут А. Мердок и ее герои,— реальность, лишенная ценностей, в которой каждый старается избрать свой путь бегства от действительности в любовь, в занятия лингвистикой, или филологией, или еще чем-то. Некоторые из ее героев считают, что «основа структуры абсолюта пуста» и поэтому понятие добра — иллюзия, выдумка. А если это так, то все позволено: категории добра и зла непри-

ложимы, поскольку первая лишена какого-либо значения. Для Джулиуса Кинга, одного из главных героев, это именно так.

В романах А. Мердок мы не раз встречались с персонажами, которые несли в себе неисчерпаемый потенциал зла. Но если в ранних произведениях зло было лишь сгустком отрицательной энергии, существующей в мире, то теперь оно «заземлено», показаны причины развития и конденсации этой энергии в ее носителе — в данном случае Джулиусе Кинге.

Джулиус Кинг, на руке которого стоит несмываемое клеймо лагеря смерти, прошел через горнило многих ужасов XX века и сам может свидетельствовать, что нет предела злу в человеке. Он считает, что нет такой силы во вселенной, которая могла бы остановить поток надругательств, жестокости, бессмысленности.

Для А. Мердок Кинг — это дьявол XX века, очень похожий на черта Ивана Карамазова, иными словами, материализовавшаяся проекция темных сторон человека. Убеждение, что корень зла лежит прежде всего в самом человеке, дает Кингу возможность проделывать циничные опыты над окружающими людьми.

Он решает разрушить представление, которое существует у Руперта о самом себе, и показать всю фальшь исканий Морган и непостоянство даже тех крепких связей, что существуют в семье Фостеров, разрушить отношения двух других героев — Симона и Эксела.

Выдумки Кинга, действительно, сродни дьявольским. Искусно используя любовные письма Морган к нему и письма Руперта к его жене Хильде, которые он выкрал из его письменного стола, он решает «влюбить» друг в друга Морган и Руперта, заставить их поверить в чужие, не для них написанные слова. Замысел его с успехом осуществляется. После первой же встречи, также организованной Кингом, Морган, полная идей о любви, и Руперт, теоретик добра, удивительно легко попадают в расставленную ловушку. Их связь основывается не на чувстве, а на тщеславии и эгоизме и поэтому кажется особенно отталкивающей.

Оправдывается расчет Кинга и в отношении Хильды. Она тоже, хотя не так быстро, как муж и сестра, оказывается во власти слов: несколько оброненных Кингом вскользь замечаний, и даже Хильда, меньше, чем все остальные, живущая во власти слов и понятий, превращается в куклу, послушную движениям режиссера. Ее роль предполагает отчаяние обманутой жены, и она искренне разыгрывает ее. Узнав о связи Руперта с Морган, Хильда, даже не поговорив с ними, уезжает из Лондона, тем самым лишь ускоряя надвигающуюся трагедию. Руперт, увидев, что мир, казавшийся ему столь ясным и добрым, лежит в обломках, не выдерживает такого столкновения с реальностью и кончает с собой.

Но на совести у Джулиуса Кинга не только трагедия семьи Фостеров. В прошлом ему принадлежат, вероятно, еще более

страшные деяния в лагере смерти. А. Мердок ничего не рассказывает о времени, которое Кинг провел в Бельзене. Еврей по национальности, приговоренный бесчеловечной логикой фашизма к смерти, Кинг выходит невредимым из Бельзена и, более того, в разговоре бросает как бы случайно следующую фразу: «У меня была уютная война». Читатель может предположить, за какие заслуги была сохранена жизнь крупному биохимику Джулиусу Кингу. Эти предположения подкрепляются дальнейшими сведениями из его биографии. После войны Джулиус Кинг продолжал свои исследования, и теперь они субсидировались военным ведомством и использовались в военных целях.

Однако Джулиус Кинг — фигура отнюдь не однозначная. Циничные поступки сочетаются у него со страстной мечтой о справедливости и, более того, о справедливом суде, «перед которым он готов преклонить колени и ноги которого он готов целовать».

Эта неоднозначность Кинга особенно проявляется в отношениях с его нравственным противником Тэллисом, мужем Морган.

Герои романа относятся к Тэллису различно, но все они сходятся на том, что в этом неопрятном, неустроенном, несамолюбивом и как будто ничем не выдающемся человеке есть нечто такое, что ставит его на ступень выше их всех. И это «нечто» может быть определено как отсутствие эгоизма, действенное отношение к добру и любви.

Сцена, в которой Симон, Эксел, Кинг и Тэллис становятся свидетелями избиения ямайца в китайском ресторанчике, весьма показательна для характеристики этих людей: Симон хотя и неуверенно, но встает на защиту, Эксел пытается вразумить, Кинг занимает позицию наблюдателя, и только Тэллис бьет хулиганов, бьет без разговоров, потому что ситуация, в которую он попадает, требует от него не потока пассивных рассуждений, а действия. Да и преподавательская работа Тэллиса, не заметная с виду, на деле имеет гораздо большее практическое значение, чем, скажем, занятия Морган глоссемантикой. Морган, живущую в мире идей, абстракций, которые оборачиваются злом и эгоизмом, когда ей приходится действовать, раздражает этот человек, не умеющий и не желающий философствовать. Но для Тэллиса многие понятия, которые потеряли смысл для других, продолжают оставаться значимыми. Слова: «муж», «отец», «брак», «любовь» — не просто абстракции, это понятия, за которыми стоят люди, требующие определенного действия и отношения.

Когда Джулиус Кинг рассказывает ему о своих «опытах» с Рупертом, Тэллис не раздражается ни проклятиями, ни длинной отповедью, но, выяснив ситуацию, действует, пытается предотвратить трагедию. Он заставляет Кинга позвонить Хильде и объяснить ей, что происшедшее — неправда, ви-

димность, дурной сон, созданный его воображением и поступками. Но Хильда не верит Кингу до тех пор, пока Тэллис не подтверждает истинность его слов.

Конечно, Тэллис — это не «справедливый судья», но сила, способная удержать мир от полного хаоса и кошмара. И именно поэтому Питер, уйдя из дому, поселяется у него. Этот юноша, принадлежащий к поколению западной молодежи, которое выросло в мире, где «умер не только бог, но и все понятия, созданные им», инстинктивно чувствует, что в грязной и неуютной квартире Тэллиса он ближе к истинному бытию, чем в комфортабельном, но затынутом паутиной благопристойной лжи доме родителей.

Тэллис — это герой, о котором, используя терминологию самой писательницы, можно сказать, что он «хороший»: его нельзя запутать или сбить с намеченного пути, нельзя втянуть в ловушку, подобную той, в которой оказываются Руперт и Морган.

Почти все эпизоды, в которых участвует Тэллис, происходят в его кухне, полной мусора и отбросов. Кухня Тэллиса — это аллегория, олицетворяющая грязь мира, грязь, внесенную рупертами, морганами, кингами. Сцена, когда элегантный и всесильный Кинг, засучив рукава, моет и чистит кухню Тэллиса, — одна из самых важных в романе. Ведь Кинг разгребает прежде всего собственную грязь и тем самым в философском плане признает нравственную силу своего противника.

А. Мердок не делает вывода, что сила добра побеждает зло: все ее герои так или иначе терпят поражение. Не предлагает она и программы, следуя которой можно было бы исправить мир. Но в этом очень сложном философском романе писательница создает образ человека пусть несколько ущербного, но все же внутренне способного противостоять абсурду и безумию мира, который его окружает.

Е. ГЕНИЕВА

ВРЕМЯ БЕГСТВА НА СЕВЕР

Ат-Тейиб Салих. Мавсим аль хиджра лиш-шимал. Каир, Аль Хильяль, 1969 (на арабском языке).

1969 году популярный египетский журнал «Аль Хильяль», представляя читателям повесть начинающего суданского прозаика, приводит о нем весьма скудные биографические данные. Ат-Тейиб Салих родился в 1929 году, живет в Лондоне, получил образование в английском высшем учебном заведении. «Время бегства на север» — его первое крупное произведение. Но уже сегодня некоторые критики склонны оценивать творчество писателя как выдающееся явление в современной арабской литературе.

Повесть «Время бегства на север» — небольшое произведение; в нем немногим

больше ста страниц. Но по своей художественной структуре она приближается к роману — жанру, становление и утверждение которого интенсивно происходит в литературах арабского Востока. Однако значение повести Ат-Тейиба Салиха не исчерпывается этим: она симптоматична для литературного процесса в целом. Медленно вызревший интерес к социальной проблематике здесь как бы полемически вынесен в название повести. Время бегства на север — удачно найденное определение для процесса, происходящего во многих развивающихся странах, в том числе и в Судане. Судьба арабов, получающих образование за рубежом, становится проблемой государственного значения и в то же время проблемой нравственной, в которой, как в фокусе, собирается ряд особенностей исторического и социального развития в странах, недавно вставших на путь самостоятельного развития.

Автор, много лет проживший в Англии, но сохранивший тесные связи со своей родиной, пишет о том, что стало частью его личного опыта. Можно смело говорить об автобиографичности повести. Личные мотивы здесь несомненны.

Повесть охватывает период от тридцатых до конца пятидесятых годов — те два десятилетия, на протяжении которых из Судана ушли англичане, страна обрела независимость.

В небольшую деревню на берегу Нила возвращается после семилетней учебы в Европе молодой учитель. Рассказ ведется от его имени. В деревне все по-прежнему. Кажется, что ветер социальных перемен, пронесшийся по африканскому континенту, не коснулся размеренной, веками устоявшейся жизни глухой деревеньки, расположенной в двух днях пути от столицы.

В этом забытом богом селении некоторое время назад появился Мустафа Саид, купил небольшой надел земли, женился на дочери односельчанина и стал своим человеком в деревенской общине. Известно о нем совсем немного: занимался торговлей и вот теперь, оставив Хартум и столичную

